

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.13

Правильная ссылка на статью:

Фарахутдинов Ш. Ф. Удовлетворенность жизнью сельской молодежи в Западно-Сибирском регионе России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 233—250. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.13.

For citation:

Farakhutdinov Sh. F. Life satisfaction among Russian young people in rural areas of the West Siberia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 5. P. 233—250. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.13.

Ш. Ф. Фарахутдинов УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ РОССИИ

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ
СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЗАПАДНО-
СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ РОССИИ

LIFE SATISFACTION AMONG RUSSIAN
YOUNG PEOPLE IN RURAL AREAS OF
THE WEST SIBERIA

ФАРАХУТДИНОВ Шамиль Фаритович — кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, Тюмень, Россия. E-MAIL: fshamil@mail.ru ORCID: 0000-0002-0849-7248

Shamil F. FARAKHUTDINOV¹ — *Cand. Sci. (Soc.)*, Assoc. Prof.
E-MAIL: fshamil@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0849-7248

¹ Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Аннотация. Статья посвящена удовлетворенности экономически активной группы сельской молодежи (возрастная категория 23—35 лет) различными аспектами жизни. В работе анализируются результаты социологического исследования, реализованного в рамках комплексного изучения сельских территорий Тюменской области. Раскрывается особенность структуры удовлетворенности рассматриваемой группы. Используется вторичный анализ данных, в ходе которого результаты исследования сопоставляются

Abstract. The article highlights life satisfaction among economically active youth living in rural areas (age group 23—35). The paper provides the results of a sociological study conducted in the framework of a complex study of the rural areas of the Tyumen region. The author describes the life satisfaction structure. The results of a secondary data analysis are used to make a comparison between the results of the study and life satisfaction levels among Russian youth and Russians in general. The author examines social and demographic characteristics

с удовлетворенностью российской молодежи и россиянами в целом. Выявляются социально-демографические и географические факторы, влияющие на удовлетворенность различными сторонами жизни респондентов. В заключении делается вывод о неоднородности современной сельской молодежи как социальной группы, требующей особого подхода при реализации государственной политики, затрагивающей ее интересы.

Ключевые слова: сельская молодежь, социологическое исследование, удовлетворенность жизнью, иерархия потребностей, социальное самочувствие

Благодарность. Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

and geographical factors that impact respondent's satisfaction levels for different aspects of life. The author draws a conclusion about heterogeneity of the modern urban youth as a social group; this requires a special approach when elaborating state policies concerning the interests of this group.

Keywords: rural youth, sociological study, satisfaction with life, hierarchy of needs, social well-being

Acknowledgment. The paper is supported by the Russian Science Foundation under grant no. 17-78-20062 «Life strategies of young working class in modern Russia».

Являясь крупной социально-демографической группой, молодежь обладает рядом особенностей. С одной стороны, для молодых людей характерен высокий уровень мобильности, интеллектуальной активности и хорошее здоровье, что выгодно отличает их от остальных членов социума. С другой — новое поколение сталкивается с множеством сложностей: преодолевает препятствия, связанные с социализацией, интеграцией в экономическое, политическое и социокультурное пространство. Именно в этом возрасте человеку приходится создавать семью, решать материальные и жилищные проблемы, получать образование, приспосабливаться к реалиям самостоятельной жизни. Возникает этап, когда необходимо нести ответственность не только за себя, но и за близких людей. Это делает молодежь социально уязвимой по сравнению с другими группами населения и требует пристального внимания к ней со стороны базовых институтов. Аккумулируя трансформации, происходящие в общественной жизни, молодежь можно рассматривать как индикатор текущего состояния социума.

Социология молодежи в отечественной гуманитарной традиции занимает одно из центральных мест. Накопленные за прошедшие годы знания, общественное признание ряда научных школ, образование профессионального сообщества способствовали изучению множества аспектов, связанных с жизнедеятельностью этой группы [Зубок, Чупров, 2008]. В то же время недостаточно раскрытыми остаются проблемы отдельных категорий, в частности, сельской молодежи. Некоторые

исследователи, указывают даже, что изучение этой территориально-демографической группы долгое время «не имело системного характера и не учитывало целого ряда имманентно присущих ей признаков» [Чигрин, Чигрина, 2014]. Следствием этого, по мнению авторов, стали «методологические и методические погрешности в характеристике проблем молодежи, как на теоретическом, так и на практическом уровнях, допущенные вследствие механического переноса закономерностей, типологий, процессов одних категорий молодежи на иные ее отряды, группы и когорты» [Чигрин, Чигрина, 2014].

В то же время говорить, что проблематика сельской молодежи не вызывала исследовательского интереса, было бы некорректно. Проблемы молодых селян изучались как в рамках социологии молодежи (напр. И. М. Слепенков, В. И. Староверов), так и социологии села (Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина и др.). Наибольшее внимание сельской молодежи уделялось в советский период. Существовал даже общественно-политический журнал «Сельская молодежь», который выпускался издательством «Молодая гвардия» с 1935 по 2000 гг. В постсоветский период интерес снизился, а риторика большинства публикаций, с которыми автору приходилось сталкиваться, сводилась к описанию многочисленных проблем молодых селян и их последствиям: миграции в города, ухудшению качества жизни, алкоголизации и т. п. Проведенный автором краткий обзор современных работ по теме показал, что сегодня характер публикаций существенно не изменился (см. напр. [Иванова, 2013]).

Между тем, за последние годы ситуация на селе меняется. Происходит заметная перестройка аграрного сектора, государство обращает больше внимания на АПК, особенно в свете санкционной политики, проводимой по отношению к России на международной арене. Так, в 2016 г. в стране был собран рекордный урожай зерновых — 117 млн т. Сельскохозяйственное производство становится высокотехнологичной отраслью, где внедряются передовые технологии производства и управления.

Меняется и сама сельская молодежь. Сегодня довольно трудно выделить группу, которую можно было бы однозначно причислить к молодым селянам. Процессы урбанизации, субурбанизации и рурбанизации стирают грань между городом и селом, а массовость высшего образования «вытягивает» на несколько лет молодых людей, превращая селян в «полугорожан». Развитие транспортной инфраструктуры, способствующее повышению мобильности, также влияет на этот процесс — сегодня уже не вызывают удивления молодые люди, выезжающие в город для совершения покупок или проведения досуга. Распространение и повышение качества телекоммуникационных услуг в сельской местности способствует информационному насыщению. Набирает популярность сельский дауншифтинг — выбор человеком образа жизни, связанного с отказом от большинства благ современной цивилизации [Овечкина, 2013: 169]. Указанные процессы и явления качественно меняют облик современного села и населяющей его молодежи. С учетом современных реалий возникают новые задачи, связанные с необходимостью изучения этой группы.

На протяжении нескольких последних лет совет муниципальных образований Тюменской области, при участии автора, осуществляет комплексное междисци-

плинарное исследование сельских муниципалитетов Тюменской области¹. Летом 2016 г. был реализован очередной этап, включающий в себя социологическое исследование, направленное на изучение возможностей социально-экономической адаптации сельской молодежи. Исследование проводилось методом опроса. Использовался квотный тип выборки, подразумевающий целенаправленное пропорциональное выделение в выборочной совокупности групп, обладающих ключевыми дифференцирующими признаками, характерными для генеральной совокупности. Такими признаками выступили: пол, возраст, а также тип сельского поселения.

Седует сделать небольшое пояснение. Данные, полученные на предыдущих этапах упомянутого комплексного исследования, привели нас к созданию центр-периферийной структуры поселений региона. Результаты показали, что уровень социально-экономического благосостояния муниципалитетов неодинаков и зависит от ряда факторов, прежде всего географических [Шелудков и др., 2016]. Так, социально-экономическое развитие муниципального образования, и, соответственно, уровень жизни его населения, существенно зависит от местоположения относительно ключевых «узлов». К таковым можно отнести города, транспортные магистрали, крупные предприятия и др. В итоге мы выделили несколько типов поселений, о которых более подробно будет сказано ниже. На этапе планирования опроса мы старались максимально охватить выборкой все выделенные типы.

В итоге были опрошены жители шести районов, 14 сельских поселений всех типов. Соотношение респондентов по полу составило: 41,8% (мужчины) к 58,2% (женщины). Обработка и анализ данных осуществлялись в пакете SPSS.

Генеральная совокупность исследования представлена молодыми людьми в возрасте 23—35 лет (экономически активная группа молодежи), проживающими в сельских муниципалитетах Тюменской области. Учитывая отсутствие данных официальной статистики отдельно по сельским жителям и горожанам, объем генеральной совокупности мы определяли как разницу между общим количеством жителей Тюменской области и городскими жителями рассматриваемой возрастной категории. Соответствующие подсчеты дали значение объема генеральной совокупности, равное 105734 человек (см. рис. 1).

В результате реализации полевого этапа, после выбраковки некачественно заполненных анкет количество опрошенных составило 892 человека. Это, согласно расчетам, указывает на доверительный интервал допустимой ошибки, равный 3,27%. Данные значения удовлетворительны для получения репрезентативных данных, однако они ориентировочны, поскольку для невероятных выборок, какой является и наша, расчет ошибки не требуется. Это связано с тем, что отбор респондентов осуществляется не случайно, а целенаправленно. Как указывают опытные исследователи, величина таких выборок определяется на основании сложившегося опыта и зависит от сложности структуры исследуемого объекта [Горшков, Шереги, 2012: 211].

¹ Тюменская область сложносоставной регион, включающий в себя три субъекта Федерации: собственно Тюменскую область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югру и Ямало-Ненецкий автономный округ. Наше исследование не затрагивало автономные округа и проводилось только в южной части Тюменской области.

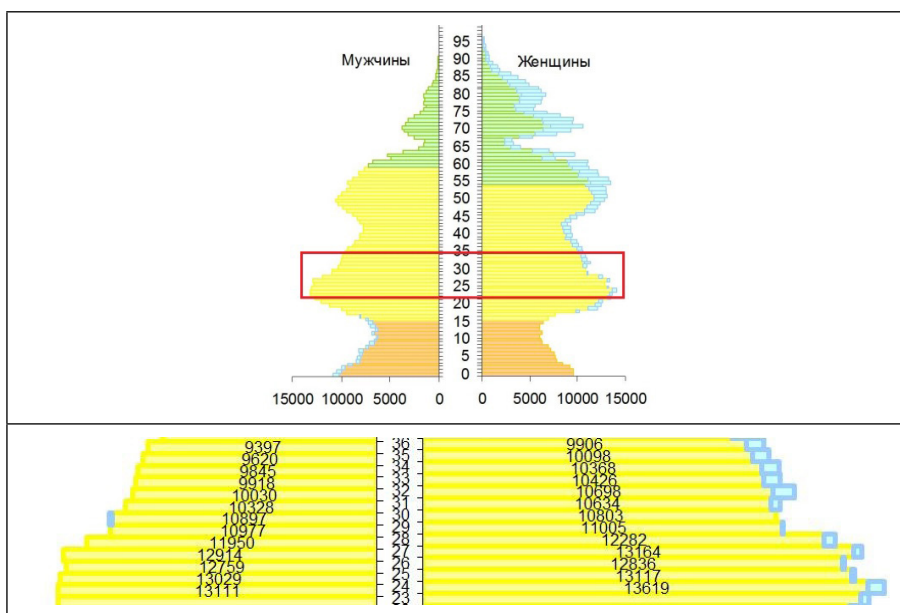

Рисунок 1. Половозрастная структура населения Тюменской области и генеральной совокупности исследования²

В нашем случае дифференцирующими признаками выступают пол и возрастная категория респондентов, а также тип сельского поселения, в котором они проживают. Таким образом, структура исследуемого объекта не содержит много дифференцирующих признаков, что позволило нам считать полученный объем выборки достаточным для получения валидных данных.

Респонденты отбирались следующим образом. Были определены необходимые для опроса сельские поселения, представляющие один из десяти типов, географически локализованные в разных частях Тюменской области. В ходе опроса оказалось, что в отдельных поселениях недостаточно респондентов для реализации выборки, в связи с чем дополнительно опрос был проведен в еще четырех поселениях. Возрастная группа представителей молодежи была разбита на пять категорий и равномерно распределена среди поселений. При этом были учтены квоты по полу.

В каждый из отобранных сельских поселений направлялись супервайзеры, которые проводили инструктаж организаторов опроса. Последние были отобраны из числа наиболее ответственных местных жителей, работающих с населением (социальные работники, специалисты по работе с молодежью). Респонденты сами заполняли бланки анкет, розданные и собранные организаторами опроса на местах.

Исследование предполагало решение ряда задач, одна из которых заключалась в изучении удовлетворенности молодых людей различными аспектами своей жизни. Удовлетворенность как социальная характеристика является частью ряда

² Данные переписи населения 2010 г. Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, ХМАО-Югре и ЯНАО [Электронный ресурс]. URL: <http://tumstat.gks.ru> (дата посещения: 14.10.2017).

важнейших интегральных показателей, способных оценить влияние социетальных условий и изменений в жизни страны [Андреевкова, 2010: 190]. Такими показателями являются, например, «субъективное благополучие», определяемое как «широкая категория феноменов, заключающихся в эмоциональной реакции людей, их удовлетворенности отдельными сферами жизни, а также в их суждениях о качестве жизни в целом» [Diener et al., 1999], и «социальное самочувствие», практически все существующие подходы к определению которого осуществляются через понятие удовлетворенности [Крупец, 2003: 143].

С учетом важности изучения рассматриваемой характеристики в анкету был включен блок вопросов, позволяющий респондентам оценить удовлетворенность различными аспектами жизни. В процессе подбора подходящих шкал было принято решение использовать наработки «Левада-Центра» в мониторинговом проекте «Курьер». В дальнейшем это позволило сопоставить полученные результаты с общероссийскими данными. Полное распределение ответов на блок указанных вопросов представлено на рисунке 2.

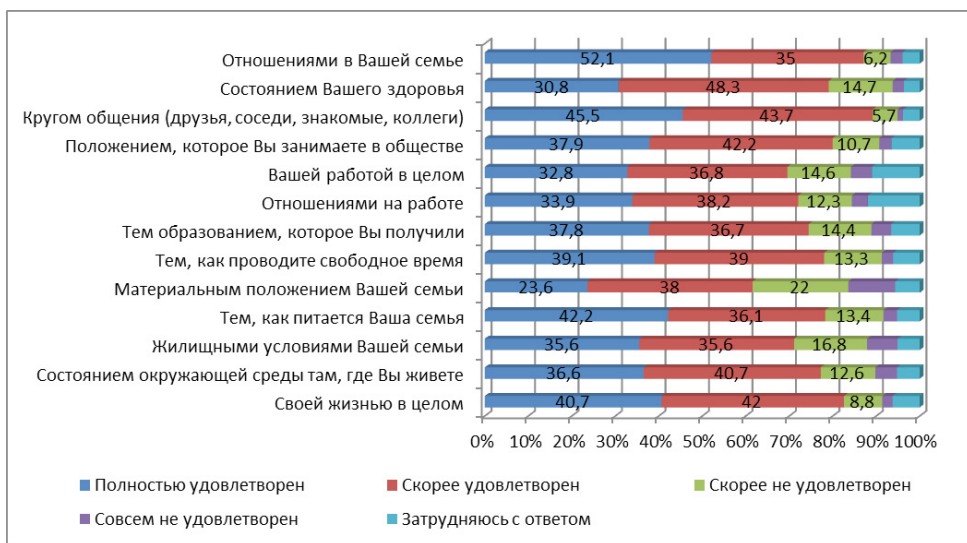

Рисунок 2. Удовлетворенность различными аспектами жизни респондентов

Сгруппировав между собой варианты ответов с положительными («полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен») и отрицательными («скорее не удовлетворен» и «совсем не удовлетворен») значениями и представив их в виде ранжированного списка в порядке убывания, можно заметить интересную особенность. Варианты группируются по сферам жизни респондентов. Так, аспекты жизни, удовлетворенность которыми респонденты выражали в наибольшей степени (80%—89,1%), условно можно отнести к **социальным (1)**. Это круг общения, отношения в семье, жизнь в целом, а также положение в обществе. Сфера жизни, связанная с основными **физиологическими (2)** потребностями (удовлетворенность состоянием здоровья и питанием) занимает второе место в представленном

рейтинге. Третью по популярности группу можно обозначить как **рекреационно-эстетическую (3)**. Сюда входит удовлетворенность проведением свободного времени и состоянием окружающей среды. И, наконец, четвертая группа, связанная с **экономическими (4)** аспектами жизнедеятельности молодых селян, включает в себя удовлетворенность образованием, отношениями на работе, жилищными условиями, работой в целом, материальным положением.

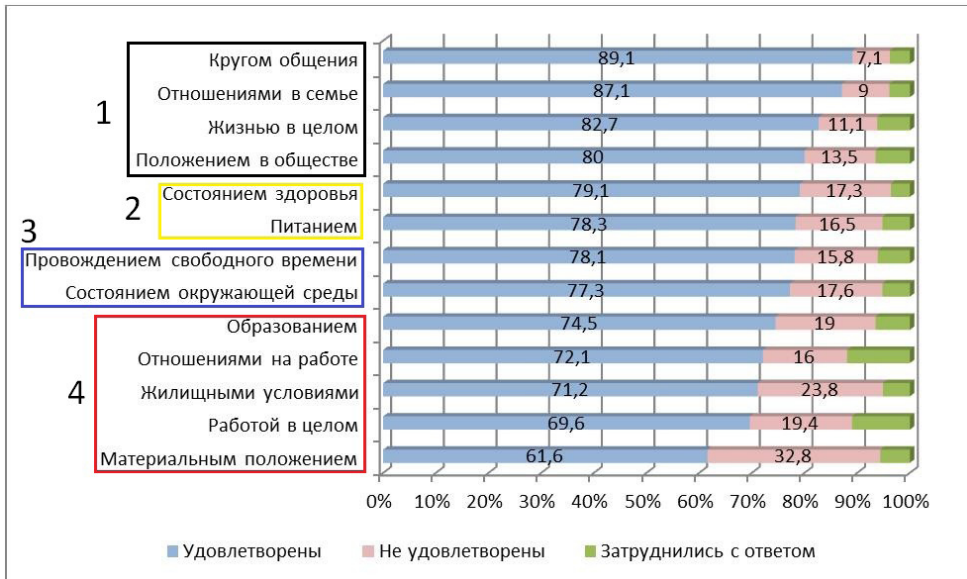

Рисунок 3. Ранжирование и группировка удовлетворенности различными аспектами жизни респондентов

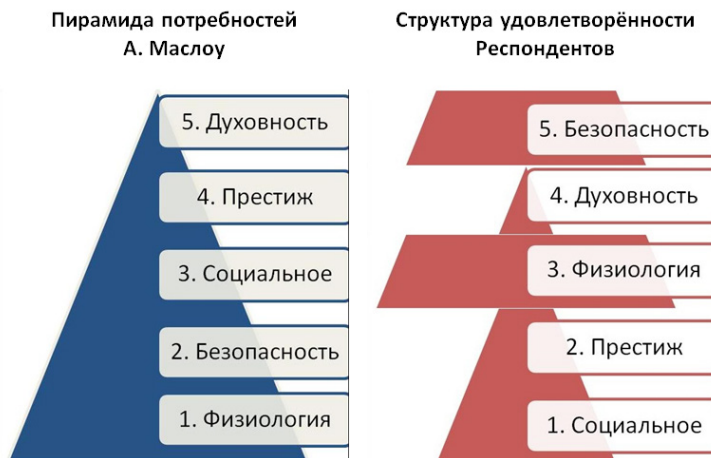

Рисунок 4. Сопоставление иерархической модели потребностей А. Маслоу и структуры удовлетворенности сельской молодежи ключевыми аспектами жизни

Представленные данные демонстрируют системность в оценках респондентов и позволяют на этой основе осуществить дальнейший анализ. Мы попытались сопоставить полученную группировку с иерархической моделью потребностей А. Маслоу (см. рис. 4), в результате чего были получены любопытные результаты.

Прежде чем комментировать рисунок, представляется целесообразным сделать два важных методологических замечания.

1. Широко распространено мнение, что «пирамида Маслоу» была создана уже после смерти ученого, его последователями, для визуализации и популяризации идей ученого, а сама теория А. Маслоу, несмотря на свою распространенность, критикуется большинством исследователей за низкую валидность [Холлифорд, Уиддет, 2008]. А. А. Селезнев считает, что популярная в середине XX века тема самоактуализации в контексте гуманистической психологии А. Маслоу и определяемая ею идеология уместны не во всякой культуре, учитывая то, что самосознание и самовыражение у разных людей могут иметь разные проявления [Селезнев, 2014].

Сам А. Маслоу указывал, что порядок в иерархии может меняться, а при ее рассмотрении необходимо учитывать возрастную структуру. Так, в своей работе «Мотивация и личность», он указывал, что мотивация не является единственной детерминантой психической жизни человека. «У нее есть и другие основания — физиологические, ситуационные и культуральные. Доказательством этого тезиса могут послужить такие феномены, как гормональные особенности, изменения характера, связанные с возрастом, ретроактивное и проактивное торможение, латентное научение». По результатам своих исследований Маслоу заключил, что «самоактуализация в том виде, в каком она обнаруживается у людей старшего возраста, для молодых, развивающихся людей практически невозможна» [Маслоу, 1999: 311, 226].

В исследовании, проведенном психологами США, было показано, как иерархия Маслоу может варьироваться в разных возрастных группах [Goebel, Brown; 1981]. Респондентам различных возрастов предлагалось проранжировать по степени важности набор высказываний, связанных с различными потребностями. Было обнаружено, что у детей были более высокие показатели, связанные с удовлетворением физических потребностей. Потребность в любви доминировала с детства до юности, потребность в уважении — среди подростковой группы, а у молодых людей был высокий уровень потребности в самоактуализации. В старших возрастных когортах доминировала потребность в безопасности. Вывод, сделанный авторами исследования, заключался в том, что иерархия Маслоу может быть ограничена как теория последовательности развития личности, поскольку доминирование различных потребностей в существенной степени зависит от возраста. Рассуждая о потребностях в целом, Г. Г. Дилигенский отмечал, что между различными их типами вообще не существует непроходимых границ, приводя при этом примеры их переплетения и взаимодействия [Дилигенский, 1994].

Несмотря на неоднозначное отношение современных исследователей к работам А. Маслоу, его идеи представляются логичными и могут служить хорошей основой при осуществлении сравнительного анализа, выступая некой «идеальной» моделью. Таким образом, наше сопоставление следует воспринимать, скорее, как

абстрактную логическую операцию, направленную на выявление особенностей структуры удовлетворенности сельской молодежи, чем способ анализа существующих дисбалансов в этой структуре.

2. Важным моментом при осуществлении сравнительного анализа является выделение сопоставимых показателей, и здесь нам пришлось прибегнуть к некоторым допущениям. Так в списке жизненных аспектов сфера, связанная с безопасностью, изначально не была предусмотрена в исследовательском инструментарии, хотя в пирамиде Маслоу она присутствует. Было решено в качестве аналога использовать оценку экономических аспектов жизни молодых селян, поскольку «безопасность» у Маслоу включает в себя, в том числе, постоянство условий жизни, комфорт.

По мнению Маслоу, потребность в безопасности успешного представителя современной культуры, как правило, удовлетворена. Люди, живущие в стабильном обществе, могут не бояться факторов, способных нанести им прямой физический или психологический вред. Для того чтобы наблюдать потребности данного уровня в их активном состоянии, необходимо обратиться к проблемам невротиков, к представителям социально и экономически обездоленных классов. Массовые проявления активной работы этих потребностей, по мнению автора, наблюдаются в периоды социальных потрясений, революционных перемен. «В нормальном же обществе, у здоровых людей потребность в безопасности проявляется только в мягких формах, например, в виде желания устроиться на работу в компанию, которая предоставляет своим работникам социальные гарантии, в попытках откладывать деньги на «черный день», в самом существовании различных видов страхования (медицинское, страхование от потери работы или утраты трудоспособности, пенсионное страхование)» [Маслоу, 1999: 78]. Рассмотрение проблемы безопасности во взаимосвязи с проблемой качества жизни также можно встретить и в отечественной научной литературе (см., например [Биктимирова, 2008]).

Таким образом, оценку респондентами экономической сферы своей жизни в нашем исследовании можно связать с субъективным ощущением защищенности, а набор переменных, которые ее характеризуют, отнести к категории «безопасность».

Потребность в «признании» или «престиже» в иерархии Маслоу тождественна оценке удовлетворенности своим положением в обществе в нашем исследовании. Это четвертый (на рис. 1) вариант, находящийся как раз на границе между «социальным» и «физиологическим».

Говоря о признании, А. Маслоу указывает, что «потребности этого уровня подразделяются на два класса. В первый входят желания и стремления, связанные с понятием «достижение». Человеку необходимо ощущение собственного могущества, адекватности, компетентности, ему нужно чувство уверенности, независимости и свободы». Во второй класс потребностей Маслоу включает «потребность в репутации или в престиже (уважение окружающих), потребность в завоевании статуса, внимания, признания, славы» [Маслоу, 1999: 83].

Рассматривая положение в обществе как главный социальный статус, то есть «наиболее характерный для данного индивида статус, с которым он сам себя идентифицирует или с которым его идентифицируют другие люди» [Бадараев, 2009],

можно включить сюда оба класса, выделенных Маслоу. Исходя из сказанного, будем считать сопоставимыми элементами «престиж», обозначенный в иерархии Маслоу одной из ключевых потребностей, и «положение в обществе», измеряемое в рамках нашего исследования.

Сферу, которую в представленной группировке мы обозначили как «рекреационно-эстетическую», вполне можно соотнести с «духовными» потребностями. Это допущение основывается на том, что мотивационно-смысловыми регуляторами выбора способов проведения досуга являются человеческие ценности самого высокого порядка, в то время как трудовая деятельность, образовательные стратегии и экономическое поведение современной молодежи в целом характеризуется по большей части «квазирыночными» ценностями, ориентированными на высокий уровень дохода и потребления [Володин, Михнева, 2012]. Относительно удовлетворенности состоянием окружающей среды — это вопрос, требующий отдельного обсуждения, и мы не стали включать его в «духовность».

Наши результаты показывают, что в основном у современной сельской молодежи потребности высокого уровня (социальное и престиж) удовлетворены в большей степени, чем базовые.

О чем же могут свидетельствовать приведенные данные? Смысл теории А. Маслоу сводится к тому, что возможность удовлетворения потребностей последующего уровня наступает лишь при удовлетворении потребностей, располагающихся в иерархической структуре ниже. При этом направленность иерархии характеризуется постепенным переходом от физиологической составляющей жизнедеятельности человека к духовной.

Если масштабировать данную концепцию с индивидуального уровня до уровня больших социальных групп или общества в целом, можно получить упрощенную модель «сбалансированного» общества, где количественное распределение населения будет постепенно уменьшаться с ростом иерархии удовлетворенности потребностями. В качестве основания такой структуры можно привести закон нормального распределения, который справедлив для совокупности индивидов, составляющих социум, прилагающих различные усилия для достижения жизненного успеха.

По мнению автора, отклонения от этой модели будут указывать на два фактора. Первый связан со специфическими особенностями общества, в котором духовная составляющая в ценностной системе в силу социально-исторических причин доминирует над материальной. Второй может свидетельствовать о существовании дисбаланса в функционировании социальных институтов.

Представляется, что результаты нашего исследования в большей степени могут объясняться доминированием второго фактора — вероятно, вследствие смены политического строя и экономической системы страны. В то же время нельзя исключать и влияние ментальных особенностей россиян, сформировавшихся в силу географического положения нашей страны, находящейся между Востоком и Западом.

Относительно низкий уровень удовлетворенности базовыми потребностями не следует трактовать бедственным положением людей. Наши выезды в сельские поселения показывают, что в таком положении находятся только асоциальные

молодые люди. По мнению Г. Г. Дилигенского, физиологические нужды организма лишь отчасти формируют потребности экономического характера. В большей степени объем и состав этих потребностей определяется стандартами потребления в данном обществе, уровнем национального благосостояния и характером его распределения, исторически обусловленными социокультурными нормами и др. [Дилигенский, 1994].

Таким образом, представления людей о своем экономическом положении в большинстве случаев не соответствует реальной ситуации, о чем еще в 1960-х годах писал английский социолог У. Рансимен в работе «Относительная лишенность и социальная справедливость». Субъективная неудовлетворенность является следствием не абсолютной, но относительной лишенности (депривации) и представляет собой результат сравнения собственного положения с образцом, в качестве которого выступает референтная группа, обладающая «идеальными» свойствами и признаками. Такая группа, по мнению Рансимена, может быть «нормативной» (собственная группа, обладающая эталонными признаками) или «компаративной» (другая группа с эталонными признаками) [Runciman, 1966].

Понимание причин существующего состояния удовлетворенностью базовыми потребностями той или иной социальной группы очень важно (имеет важные социально-значимые последствия). Психологические условия и механизмы формирования и изменения стандартов, их превращения в социальные потребности, способны стимулировать действия людей в общественно-политической сфере. Таким образом, неудовлетворенные потребности трансформируются в явления макросоциального и политического значения [Дилигенский, 1994].

Примером проявления относительной депривации российской провинциальной молодежи можно считать антикоррупционные протесты, прошедшие в марте 2017 г. Их особенностью стало увеличение доли молодежи, а также расширение географии за счет выхода за пределы столичных регионов, где они традиционно проводятся уже давно. Несмотря на то, что сельскую местность протесты практически не затронули, к этому процессу подключились малые города, что указывает на тенденцию распространения реакционных настроений в локальные территориальные сообщества. Также важно иметь в виду, что социальная активность (протестный потенциал) не обязательно сопровождается «выходом на улицу». Смена социальных настроений (рост запроса на перемены) чаще находит отражение в электоральном поведении, и этот способ выражения своей точки зрения для сельской местности более приемлем.

Одна из главных причин относительной депривации в среде сельской молодежи видится в расширении кругозора за счет доступности и проникновения информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнь. Сегодня большинство молодых людей пользуются мобильными устройствами, а проникновение интернета в сельскую местность постепенно приближается к городскому уровню³. Развитие транспортной инфраструктуры и доступность международного туризма усиливают процессы социальной мобильности, что также влияет на увеличение информационного пространства сельской молодежи.

³ Интернет в России: динамика проникновения. Весна 2017 г. <http://fom.ru/SMI-i-internet/13585>.

Следующим этапом анализа стало изучение возможности влияния географических факторов на социальное самочувствие молодых селян. Как уже упоминалось выше, в результате исследований, проводимых на протяжении нескольких последних лет коллективом Совета муниципальных образований Тюменской области (при участии автора), была сформирована центр-периферийная структура поселений региона.

Идея построения типологической модели возникла в ходе выездов в сельские поселения для проведения полевых исследований. Наблюдения показали, что в ряде поселений, локализованных в разных частях Тюменской области, воспроизводятся одни и те же экономические практики, протекают схожие социальные процессы. Для выделения групп схожих поселений, с целью последующего изучения факторов, формирующих их особенности, мы решили создать типологию. Теоретической основой стали работы специалистов в области экономической географии и социологии: Т. Г. Нефедовой, О. П. Фадеевой, А. И. Трейвиша, Н. Е. Покровского.

Для типологизации были использованы данные похозяйственного учета, Росстата и ведомственной статистики, многие из которых мы собирали в «ручном» режиме. Из массива данных мы выделили семь показателей, описывающих характер и структуру локальной экономики — ее укладность, соотношение формальной и неформальной частей, вписанность в общерегиональные процессы; структуру занятости населения и миграционные процессы, а также уровень жизни и уровень доходов населения. После стандартизации данных для получения сопоставимых показателей был проведен иерархический кластерный анализ. Для кластеризации использовался метод Варда с мерой «Квадрат расстояния Евклида» для интервальных шкал. В результате мы получили несколько моделей, каждую из которых картографировали и проанализировали содержательно [Шелудков и др., 2016]. В итоге была выбрана наиболее оптимальная модель и на ее основе создана типология, в которой, с одной стороны, группы поселений не сильно отличаются по своим размерам, с другой — обладают довольно разнообразными характеристиками (см. табл. 1).

Таблица 1. Типы и подтипы сельских поселений Юга Тюменской области

1. Центры	
Индустриализированные деревни	Крупные поселения, стягивающие как городское, так сельское население окрестных территорий на расположенные здесь крупные индустриальные и сервисные производства сельскохозяйственного и несельскохозяйственного профиля. Развит малый и средний бизнес.
Районные центры	Крупные поселения — локальные административные и экономические центры. Источники доходов — административная рента, среднее и малое предпринимательство.
Северные отраслевые поселения	Поселения северной таежной зоны, где существует одно или несколько крупных предприятий одной отрасли (как правило, нефтегазовой), обусловивших их развитие.
Многофункциональные поселения	Поселения с диверсифицированной экономикой.

2. Полупериферия	
Поселения пригородной сельскохозяйственной зоны	Крупные, относительно благополучные поселения, расположенные в благоприятной для развития полеводства зоне и относительно недалеко от транспортных артерий и рынков сбыта. Основу экономики составляют крупные сельскохозяйственные предприятия.
Многоукладные поселения	Тяготеют к районным центрам, зона конкуренции экономических агентов разного типа.
«Спальные районы»	Ближние поселки и деревни, которые активно осваиваются горожанами (дачи, коттеджная застройка). Местные предприятия присутствуют, но не играют значительной роли. Население работает в городах и на пригородных предприятиях.
Зависимые (спутники райцентров)	«Спальные районы» райцентров, транзитные поселения. Минимум ресурсов развития, высокая миграционная мобильность.
3. Периферия	
Северная группа (тайга и подтайга)	Полунатуральные хозяйства на основе огородов (мало скота) и промыслов (ягоды, рыба, лес), отходничество; часть — изолированные поселения с квазитрадиционным укладом.
Южная группа (лесостепь)	Мелкотоварные хозяйства (много скота), обеспечивающие выживание за счет «ухода в тень».

Возвращаясь к анализу удовлетворенности жизнью сельской молодежи, отметим, что ее изучение в разных типах поселений было еще одной задачей исследования.

Чтобы избежать чрезмерной детализации, мы сравнили удовлетворенность молодежи, проживающей в крупных группах: центральных поселениях, периферии и полупериферии. Принадлежность того или иного типа поселения к каждой из этих групп была определена нами еще в ходе типологизации и основывалась на степени географической удаленности от ключевых инфраструктурных узлов. Контрольной группой выступила молодежь из периферийного типа, поскольку отдаленные поселения в меньшей степени подвержены процессам урбанизации, а проживающие там молодые люди больше сохранили в себе аутентичные ценности и нормы, характерные для селян (см. табл. 2.).

Таблица 2. **Удовлетворенность респондентов в различных типах сельских поселений Тюменской области**

	Периферия	Полу периферия		Центр	
Кругом общения	93,9%	88,3%	↓	87,0%	↓
Отношениями в семье	91,5%	84,4%	↓	86,5%	↓
Жизнью в целом	81,6%	80,9%	≈	85,9%	↑
Положением в обществе	80,7%	79,4%	≈	79,3%	≈
Состоянием здоровья	87,3%	75,5%	↓	78,9%	↓
Питанием	82,1%	74,5%	↓	79,8%	≈

	Периферия	Полу периферия	Центр
Провождением свободного времени	85,8%	77,3%	76,0%
Состоянием окружающей среды	82,0%	85,1%	68,1%
Образованием	73,6%	74,0%	75,7%
Отношениями на работе	67,9%	74,1%	73,6%
Жилищными условиями	74,1%	68,3%	71,9%
Работой в целом	68,2%	70,6%	70,0%
Материальным положением	67,5%	56,4%	64,1%

Примечание. Пиктограммы указывают на наличие различий в характере данных по сравнению с контрольными данными: ≈ — данные различаются в пределах статистической погрешности; ↑ — значение выше; ↓ — значение ниже.

Из таблицы видно, что в различных типах поселений удовлетворенность одинакова только по четырем аспектам: «положение в обществе», «образование», «жилищные условия» и «работа в целом». Удовлетворенность «жизнью в целом», несколько выше в центральном типе. Питанием и материальным положением в полупериферийных типах поселений респонденты выражали удовлетворены реже, чем в периферийных и центральных. А состоянием окружающей среды в центральных типах — реже, чем других. Относительно варианта «отношениями на работе» — единственном аспекте, которым в периферийных поселениях удовлетворены меньше, чем в остальных, показательно распределение затруднившихся с ответом. В периферии их оказалось 17,0%, в полупериферии — 13,8%, а в поселениях центрального типа — 6,9%. Такое распределение указывает на высокий уровень безработицы в периферии и полупериферии, что подтверждается статистическими данными, собранными нами в ходе предыдущих этапов исследования. Важно отметить, что при оценке удовлетворенности «работой в целом» было получено схожее распределение — в периферии и полупериферии, соответственно 12,8% и 13,5%, а в центре — 7,7%. По всем остальным аспектам жизни респондентов более высокая удовлетворенность наблюдается в периферийных поселениях.

Приведенные данные позволяют констатировать, что молодежь, проживающая в периферийных поселениях, демонстрирует самый высокий уровень удовлетворенности большинством аспектов жизни. Следом идут респонденты центрального типа поселений, а самая низкая удовлетворенность в полупериферийных поселениях.

Полученные результаты оказались довольно неожиданными. Многочисленные исследования указывают, что доход положительно влияет на уровень удовлетворенности, хотя это влияние и нелинейно. Положительная корреляция проявляется как на индивидуальном уровне, так и в более крупных социальных и географических масштабах. Почему же молодые люди, проживающие в экономически неблагополучных периферийных поселениях, оказались в большей степени удовлетворены различными аспектами жизни? Ответ на этот вопрос видится в существовании комплекса факторов. Американский экономист и демограф Ричард Истерлин, исследователь в сфере экономики счастья, утверждал, что эко-

номический рост не обязательно ведет к увеличению удовлетворенности жизнью населения. В случае международных сопоставлений средний уровень счастья не сильно коррелирует с ВВП, особенно для стран с доходами, достаточными для удовлетворения основных потребностей. При этом Истерлин отмечал, что люди в бедных странах становятся счастливее, когда они могут позволить себе самое необходимое [Родионова, 2014: 387]. Это явление получило название «парадокс Истерлина». Представляется, что оно может быть экстраполировано и на результаты нашего исследования.

Еще одним доводом в пользу неоднозначного влияния экономического фактора на удовлетворенность может быть тезис, что в оценке собственной жизни решающую роль играют когниции, составляющие основу мировоззрения человека и базирующиеся на глубинных семантических структурах сознания [Углова, 2013: 92]. В случае, когда когнитивные механизмы оценки собственной жизни слабо связаны с материальной составляющей, удовлетворенность экономическими аспектами жизни может быть низкой на фоне остальных, что мы и наблюдаем у представителей молодежи из глубинки. Периферийные поселения географически изолированы, а в отдельные деревни этого типа можно добраться только по зимнику в холодное время года. Труднодоступность формирует аутентичную социальную среду, и, соответственно, особый менталитет, базирующийся на традиционных нормах и ценностях. Наши наблюдения, сформированные в ходе выездов в такие поселения, показывают, что среди жителей периферии выше уровень сплоченности, а коллективизм зачастую является единственным условием для нормального существования в суровых условиях и изоляции. Распространенные в больших городах и характерные для рыночной экономики индивидуализм, конкуренция и высокий уровень притязаний практически не затрагивают местных жителей. Как следствие, люди, в том числе и молодежь, удовлетворены имеющимся положением дел и проявляют недовольство только в крайних случаях.

Завершая описание данных, отметим, что эвристический потенциал анализа удовлетворенности сельской молодежи не исчерпан представленными результатами. Показатели удовлетворенности обладают типобразующими признаками, и позволяют осуществлять более глубокий анализ с использованием многомерных методов [Татарова, Кученкова, 2016]. Научного осмысления требуют также многие другие стороны жизни села и населяющей его молодежи. Хочется надеяться, что этим вопросам будет уделяться больше внимания современными исследователями.

Список литературы (References)

Андреенкова Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 189—215. [Andreenkova N. V. (2010) Sravnitel'nyi analiz udovletvorennosti zhizn'yu i opredelyayushchikh ee faktorov [Comparative analysis of life satisfaction and factors affecting it]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5 (99). P. 189—215.] (In Russ.)

Бадараев Д. Д. Социальный статус человека и критерии его определения в современном обществе // Вестник БГУ. 2009. № 5. С. 224—228. [Badaraev D. D. (2009) Social status of the person and criteria of its determination in modern society. *Vestnik BGU [Bulletin of the Buryat State University]*. No. 5. P. 224—228.] (In Russ.)

Биктимирова З. З. Безопасность человека в контексте экономической теории // Журнал экономической теории. 2008. № 3. С. 20—33. [Biktimirova Z. Z. (2008) Bezopasnost' cheloveka v kontekste ekonomicheskoi teorii [Personal security in the context of economic theory]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii [Russian Journal of Economic Theory]*. No. 3. P. 20—33.] (In Russ.)

Володин В. М., Михнева С. Г. Экономическое поведение молодежи в условиях модернизации российского общества // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 3 (23). С. 121—126. [Volodin V. M., Mikhneva S. G. (2012) Ekonomicheskoe povedenie molodezhi v usloviyakh modernizatsii rossiiskogo obshchestva [Economic behaviour of youth in the context of modernisation of the Russian society]. *Izvestiya VUZov. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki. [University proceedings. Volga region. Humanities]*. No. 3 (23). P. 121—126.] (In Russ.)

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы: интерактивное учебное пособие. М. : ФГАНУ «Центр социологических исследований», Институт социологии РАН. 2012. [Gorshkov M. K., Sheregi F. E. (2012) *Prikladnaya sotsiologiya: metodologiya i metody: interaktivnoe uchebnoe posobie [Applied Sociology: methodology and methods: interactive textbook]*. Moscow: FGANU «Tsentri sotsiologicheskikh issledovaniy», Institut sotsiologii RAN.] (In Russ.)

Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология : Учебное пособие для вузов. М. : Наука, 1994. [Diligenskii G. G. (1994) *Sotsial'no-politicheskaya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov [Socio-political psychology. Textbook for universities]*. Moscow: Nauka, 1994.] (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 108—116. [Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2008) Making and development of youth sociology in Russia. *Sociological Studies*. No. 7. P. 108—116.] (In Russ.)

Иванова О. А. Сельская молодежь как территориально-демографическая группа населения: теоретические основы социологического исследования // Известия АлтГУ. 2013. № 2 (78). С. 230—234. [Ivanova O. A. (2013) Sel'skaya molodezh' kak territorial'no-demograficheskaya gruppa naseleniya: teoreticheskie osnovy sotsiologicheskogo issledovaniya [Young people in rural areas as a territorial and demographic group: theoretical framework of sociological study]. *Izvestiya AltGU [News of Altai State University]*. No. 2 (78). P. 230—234.] (In Russ.)

Крупец Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143—150. [Krupets Ya. N. (2003) Social well-being as an integral adaptation index. *Sociological Studies*. No. 4. P. 143—150.] (In Russ.)

Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. Татлыбаевой А. М. СПб. : Евразия, 1999. [Maslow A. (1999) *Motivation and personality*. St Petersburg: Evraziya.] (In Russ.)

Овечкина Я. В. Дауншифтинг как проявление социального ретретизма // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 8 (054). С. 168—172. [Ovechkina Ya.V. (2013) Downshifting as manifestation of social retreatism]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy [Social and Economic Phenomena and Processes]*. No. 8 (054). P. 168—172.] (In Russ.)

Родионова Л. А. Парадокс Истерлина в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. № 2—2. С. 386—393. [Rodionova L. A. (2014) Easterlin Paradox in Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. [Bulletin of Saratov State University. New series. Series: Economics. Management. Law]*. Vol. 14. No. 2—2. P. 386—393.] (In Russ.)

Селезнев А. А. Критика теории самоактуализации А. Маслоу // Социально-экономические доминанты развития общества: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Кингисеппский филиал Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. А. С. Пушкина. 2014. С. 207—211. [Seleznev A. A. (2014) Kritika teorii samoaktualizatsii A. Maslou [Criticism of Maslow's self-actualisation theory]. *Fundamental social and economic ideas of society's development. International Conference Proceedings. Kingisepp branch of the Leningrad State University*. P. 207—211.] (In Russ.)

Татарова Г. Г., Кученкова А. В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21—32. [Tatarova G. G., Kuchenkova A. V. (2016) Indicators of subjective well-being as characteristics for typology building. *Sociological Studies*. No. 10. P. 21—32.] (In Russ.)

Углова Т. В. Субъективные предпосылки удовлетворенности жизнью в период взрослости // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2013. № 74—2. С. 91—94. [Uglova T.V. (2013) Sub'ektivnyye predposylki udovletvorennosti zhizn'yu v period vzroslosti [Subjective prerequisites for life satisfaction among mature adults]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo [Bulletin of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University]*. No. 74—2. P. 91—94.] (In Russ.)

Холлифорд С., Уиддет С. Мотивация : Практическое руководство для менеджеров / пер с англ. ООО «Пароль». М. : ГИППО, 2008. [Holliford S., Widdet S. *Motivation: a Practical guide for managers*. Transl. from English. ООО «Parol'». Moscow: GIPPO.] (In Russ.)

Чигрин В. А., Чигрина Н. В. Роль и место ценностных ориентаций в системе жизненного самоопределения сельской молодежи // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2014. № 2 (3). С. 12—15. [Chigrin V. A., Chigrina N. V. (2014) Rol' i mesto tsennostnykh orientatsii v sisteme zhiznennogo samoopredeleniya sel'skoi molodezhi [Role and place of value orientations in self-determination of young people in rural areas]. *Aktual'nye problemy*

sotsial'no-gumanitarnogo i nauchno-tekhnicheskogo znaniya [Actual problems of socio-humanitarian and scientific-technical knowledge]. No. 2 (3). P. 12—15.] (In Russ.)

Шелудков А. В., Рассказов С. В., Фарахутдинов Ш. Ф. Сельские муниципалитеты Тюменской области: пространство, статистика, власть. М. : Страна ОЗ, 2016. [Sheludkov A. V., Rasskazov S. V., Farakhutdinov Sh.F. (2016) Selskie munitsipaliteti Tyumenskoi oblasti: prostranstvo, statistika, vlast'. [Rural municipalities in Tyumen region: space, statistics, authority]. Moscow: Strana OZ.] (In Russ.)

Diener E., Suh E. M., Lucas R., Smith H. (1999) Subjective well-being: three decades of progress. Psychological Bulletin. Vol. 125. No 2. P. 276—302.

Goebel B. L.; Brown D. R. (1981) Age differences in motivation related to Maslow's need hierarchy. Developmental Psychology. No 17. P. 809—815. DOI: 10.1037/0012-1649.17.6.809.

Runciman W. G. (1966) Relative Deprivation and Social Justice A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-Century England. Berkeley: University of California Press.